

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

ОПЕРАЦИЯ ПРИКРЫТИЯ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Золотая библиотека детектива

Эдуард Хруцкий

Операция прикрытия

«1С-Публишинг»

1984

Хруцкий Э. А.

Операция прикрытия / Э. А. Хруцкий — «1С-Паблишинг»,
1984 — (Золотая библиотека детектива)

ISBN 978-5-6049167-2-8

Шел 1944 год. Каждый день приближал Красную Армию к рубежам Советской страны. Немцы, сопротивляясь, отступали вглубь Европы. Но признавать свое очевидное уже для всех поражение не спешили. Напротив, в далеком и мирном Берне разрабатывался план дальнейшей работы английских и немецких агентов на территории СССР.

ISBN 978-5-6049167-2-8

© Хруцкий Э. А., 1984

© 1С-Паблишинг, 1984

Эдуард Хруцкий

Операция прикрытия

© Э. Хруцкий (наследники)

© ИП Воробьев В.А.

© ИД СОЮЗ

По земле катилась война. Шел сорок четвертый. Каждый день приближал Красную армию к рубежам Советской страны. Немцы, сопротивляясь, отступали в глубь Европы.

* * *

А в Берне было туманно и тихо. Ветер с Ааре нес запах сетей и рыбы.

Он разгонял туман, этот ветер, запутавшийся в узких Шпитальгассе, Марктгассе и Крамгассе.

Раннее утро – любимое время детей. Школьники до занятий спешили покормить медведей, живших на берегу реки. Дети покупали в лавочке морковь и угощали зверей, смешно встававших перед ними на задние лапы.

Человек, спустившийся к реке, тоже купил несколько морковок. И, бросая их животным, подумал, что за две такие морковки он в лагере для военнопленных вербовал нужного ему агента.

Где-то в старом городе мелодично запели часы. Они именно не звонили, а пели. И звук их несся над домами предвестием мирного и счастливого полдня.

«Пора». Поднявшись по ступенькам набережной, человек сел в маленький, почти игрушечный вагон трамвайчика, напоминавшего ему детскую железную дорогу в его родном Мекленбурге. Вагончик медленно полз по улицам, огибая многочисленные фонтаны. Возле «Цайт

глоксентрум» – башни с часами – человек вышел из трамвая. Его ждали у здания ратуши, чем-то напоминавшего ему старинный русский терем, какие он видел в Смоленске.

У самого большого и нарядного фонтана, перебросив светлый плащ через плечо, опираясь на трость, стоял Алекс. Он был постоянен, как и подобает настоящему британцу. А потому носил в Европе только твид. На этот раз костюм был песочного цвета.

Колецки не любил твид. Он чем-то напоминал ему тяжелый форменный мундир. Вырываясь из Германии в нейтральную тишину, он надевал легкую фланель, в которой чувствовал себя человеком, уехавшим на отдых.

Алекс увидел его и поднял трость, коснувшись набалдашником твердых полей шляпы. Эта немного фамильярная манера завсегдатая лондонского Сохо поначалу коробила Колецки. Он, оберштурмбаннфюрер СС, был старше на два звания англичанина, у которого числился на связи.

– Привет, Алекс, – Колецки приподнял шляпу.

– Здравствуйте, мой дорогой Герберт, – Алекс улыбнулся одним ртом.

Глаза его, пусто-светлые, по-прежнему смотрели цепко и настороженно.

– Вас учили улыбаться в вашей хваленной школе? – съязвил Колецки. – Поучились бы у американцев. Люди Даллеса, например, улыбаются так, словно встретили родного брата, вырвавшегося из тюрьмы.

– По тюрьмам специалисты вы, немцы, а американцы молодая нация. Молодая, веселая и богатая. Мы, англосаксы, слишком плотно вжаты в рамки тысяч условностей. Это наше бремя, которое мы стараемся нести с гордостью. Зато мы внимательны к друзьям. У вас в отеле уже стоят три упаковки «Принца Альберта». Кажется, это ваш любимый табак?

– Вы очень внимательны ко мне. Кстати, почему вы не курите трубку, как истинный британец?

– Слишком традиционно – улыбка, твид, трубка. В этом что-то от колониализма.

Колецки засмеялся:

– Может быть, вы и правы.

– Пройдемся, центр города подавляет меня обилием фонтанов.

Они пошли вниз по Крамгассе. Постепенно исчезли нарядные вывески магазинов, контор, ресторанов. Вторая половина улицы была нашпигована мелкими лавочками, кустарными мастерскими, складами.

Элегантный Берн предстал своими задворками. Дома, иссеченные временем и непогодой, устало жались у тротуара.

– Я люблю такие места. – Алекс закурил сигарету. – Анатомия города! Вернее, анатомический атлас. Там, наверху, внешняя, показная часть Берна. Как у человека – глаза, нос, брови, кожа. А здесь, внизу, его чрево – истощенное сердце, изрытая печень. Эти развалины могут больше сказать о городе, чем его фасады.

Колецки усмехнулся про себя. Что знает этот самодовольный англичанин о развалинах? Развалинах тех городов, где сожжены и окраины, и центр, где люди боятся выглянуть из подвалов. «Анатомия города!»

Они спустились к мосту Нидербрюкке, пошли вдоль реки. Вода в Ааре была желтой и мутной после дождя. Пенные барашки возникали у быков моста и разлетались, донося брызги до берега.

– С какого года мы работаем вместе? – прищурившись, спросил Алекс.

– С Польши, с тридцать девятого.

– Польша. Польша... Ваш Гитлер совершил серьезный просчет: вместо того чтобы возглавить крестовый поход против мирового коммунизма, он решил стать владыкой всего мира. А коммунизм жив, как видите.

– Но они же ваши союзники!

– Пока, Герберт, пока. Нам вместе с вами бороться против коммунизма. Придет время, и кто-то объявит крестовый поход против этой системы. Наша задача мостить дорогу будущим ландскнехтам Запада.

– Русские скоро станут на границе, Алекс.

– Во-первых, не станут, а понесут в Европу свои идеи. Остановить их не в наших силах. Поэтому у нас общая задача: пока есть возможность, создать разветвленную сеть агентуры в Белоруссии, на Украине.

Мимо них прокатил велосипедист, кудрявый парень. На раме, прижавшись к нему, сидела девчонка.

– А они любят друг друга. – Теперь у Алекса даже глаза улыбались. – Любят, не думая об опасности, идущей с Востока.

Он поковырял песок тростью, подумал.

– Итак, Герберт, что со школой?

– Мы создали ее. Группа прикрытия подготовлена.

– Кто руководит? Поль?

– Поль. Кстати, кто он?

– Поручик. Поляк. Я встречался с ним лично. Школа – база. Как только русские выйдут к границе, никаких активных действий, берегите людей. Вермахту выгодно держать в напряжении русский тыл. Нам же необходимо сохранить кадры для будущего. Ваша задача – ждать резидента. В номере вы найдете документы. Теперь вы станете полковником Армии Крайовой, уполномоченным лондонской беспеки «Служба безопасности». Ваша кличка «Гром».

– Диверсии вы отвергаете полностью?

– Этим займутся другие. Ваше дело – поддержать резидента, когда придет время.

Алекс отвернулся, прикуривая новую сигарету.

Колецки смотрел на мутную речную воду, на след от велосипедных колес, рельефно впечатанный в песок, и ему очень хотелось ударить этого самоуверенного, ироничного англичанина.

* * *

В кабинете начальника Главного управления погранвойск НКВД висела огромная карта. Ее принесли сегодня утром. На плотной бумаге жирным контуром легла полоса. Она шла вдоль рек, по лесу, мимо населенных пунктов. Это была западная граница СССР. Граница, к которой еще были направлены стрелы танковых ударов, штрихи пехотных атак.

Начальник управления разглядывал карту. Он вспоминал сорок первый год, вспоминал, как в тяжелых боях отходили пограничники на восток. А теперь бойцам в зеленых фуражках предстояло охранять тыл действующей Красной армии. Три года войны прошли перед его глазами. Три долгих года потерь и побед.

– Товарищ генерал, – доложил адъютант, – офицеры в сборе.

– Проси.

Вот и настал долгожданный час. Сегодня ему предстоит инструктировать начальников отрядов вновь созданного Белорусского пограничного округа.

В кабинет один за другим входили офицеры.

– Товарищи, – сказал начальник Главного управления, – через несколько дней наши войска выйдут на государственную границу СССР. Вы назначены начальниками отрядов вновь организованного Белорусского погранокруга НКВД. Прошу к карте, определим места дислокации отрядов.

Офицеры подошли к карте. Как много мог сказать им этот аккуратно расчерченный лист бумаги. Нет, не карта висела перед ними, не карта! Это молодость их смотрела с глянцевого

листа. А сколько времени прошло? Всего три года. Но один военный день и за десять мирных посчитать можно, такая уж ему цена.

– Товарищ генерал, разрешите вопрос?

– Слушаю вас.

– Начальник 112-го пограничного отряда полковник Зимин. Как будет формироваться личный состав отряда?

– Вопрос по существу. Нами созданы специальные запасные полки, из подразделений Красной армии отзываются в распоряжение погранвойск бойцы и офицеры. Личный состав отряда будет пополнен за счет призывников этого года. Ну а костяк будущих отрядов – подразделения по охране тыла действующей Красной армии. Вас устраивает ответ, полковник Зимин?

– Так точно.

– Тогда обратимся к карте. Товарищи офицеры, вы будете нести охрану границы в условиях военного времени, перед вашими заставами лежит Польша, сожженная войной. Польша, истекающая кровью, ждущая своего освобождения. В тылу пограничных отрядов – банды польских националистов, разрозненные немецкие группировки, шатающиеся по лесам бандеровцы и просто уголовники и контрабандисты, агентура безпеки Армии Крайовой, СД, абвера. И учтите: пристальное внимание к западным советским землям проявляет Интеллидженс сервис.

Трудная предстояла служба.

* * *

Глина была сырая и на ровных срезах блестела под солнцем. Зеленела трава на бруст-вере, пахло земляным духом и весной. Командир батальона капитан Шкаев шел вдоль окопа, аккуратно ступая до матового блеска начищенными сапогами. Был он совсем молодой, этот комбат. Молодой и удачливый. Пять орденов словно вбиты в гимнастерку, и ни одной нашивки за ранения.

Он шел вдоль окопа, цепко оглядывая сектора обстрела. Остановился у пулеметной ячейки, попрыгал, проверил окопчик с боезапасом, остался доволен.

– А ну-ка. – Комбат отодвинул молодого сержанта, стремительно повел стволом противотанкового ружья. – Ничего не видишь? – спросил он.

– Никак нет.

– А то, что у тебя бугорок в левом секторе перекрывает биссектрису огня?

– Так маленько совсем.

– Это ты танку объясни, когда он оттуда на тебя пойдет. Срыть!

И расчет пополз в поле срезать саперными лопатами еле заметную складку на земле.

Он был совсем молодой, этот комбат. В сорок первом прямо со школьной скамьи на курсы младших лейтенантов, потом бои, отступления, оборона, атаки. За свою короткую жизнь он научился командовать людьми, знал назубок любое стрелковое оружие, был храбрым и добрым.

Командир первой роты старший лейтенант Кочин смотрел, как ладно, в обтяжку сидит на комбате гимнастерка, как лихо сдвинута на бровь шерстяная пилотка, и думал: без всего этого героического Шкаев не сможет жить, наверное.

– В общем, я обороной доволен, Кочин, – сказал комбат, – внешним видом людей доволен, оружием.

Они пошли вдоль извилистого окопа, солдаты вскакивали, поправляя гимнастерки. Капитан махал им рукой: мол, сидите, чего там, не на плацу. В землянке, сработанной на совесть, в два наката, комбат сел за стол.

– Дворец. Линия Мажино. Много в обороне сидел?

– Пришлось.

– Смотри, Кочин, – Шкаев растянул на столе карту. – Есть данные разведки, что немцы силами полка атакуют именно на участке твоей роты. Ты завяжешь оборонительный бой. Нужно, чтобы они потоптались перед твоей обороной час или час десять. Понял?

– А чего не понять?

– Радости в голосе не слышу.

– Вы мне, товарищ капитан, минометов подкиньте, взвода два.

– Роту дам. Ну как? – Комбат сам был поражен своей щедростью. – Сейчас артиллеристы придут копать огневые. Так что командуй, а я у себя, в штабе.

Шкаев козырнул и вышел.

К вечеру начался дождь. Мелкий, затяжной и противный. Глина в окопе сразу оплыла, и сапоги вязли в ней, как в трясине. За стеной дождевой пыли почти не просматривалось поле, исчезла видимость и перед окопами. Кочин приказал усилить боевое охранение.

Он вошел в землянку, стянул пудовые от глины сапоги и сел, устало прислонившись к обитой досками стене. На столе стоял холодный ужин, золотились в свете коптилки патроны к ППШ, лежала свернутая карта.

Постепенно предметы стали сливаться, выстраиваться в какие-то неясные фигуры, и Кочин задремал. Сон был тяжелый и вязкий, он словно провалился в него. И в этом сне пришел к нему старый контрабандист по кличке Шмель, он резал ножом желтое сало и смеялся щербатым ртом. Потом Шмель достал дудку и загудел. Именно этот звук разбудил командира роты.

Кочин осторожно открыл глаза и понял, что это гудит зуммер полевого телефона. Он поднял трубку.

– Кочин, – в голосе Шкаева переливалась злость, – сдавай роту Алешкину и в распоряжение штаба армии. Срочно!

– Что случилось?

– Ты пограничник?

– Да.

– Забирают вас из Красной армии.

Дела Кочин передал быстро, потом достал вещмешок, там в глубине лежала его пограничная фуражка. Настоящая, довоенная. В ней в сорок первом прибыл на заставу младший лейтенант Алексей Кочин. Ничего, что опалило тулью, ничего. Фуражка-то боевая, в ней Кочин тем страшным июлем с двумя пограничниками вышел к своим.

Алексей выпрыгнул из окопа, оглянулся. В ночной темноте он угадывал бесконечное поле, а за ним линию вражеской обороны. Дальше была граница.

* * *

Ах, как играла музыка на плацу! В звуках духового оркестра слышались щемящая грусть и счастье. Только что они прошли, печатая шаг, мимо генерала – начальника училища. А трубы пели: «Ускоренный выпуск, ускоренный выпуск». И это ничего, что на погонах только одна звездочка.

Главное – они уже офицеры. Скосишь глаза к плечу – и видишь золото погон. Как ладно затянута портупеей шерстяная гимнастерка, как легко двигаться в новых хромовых сапогах! А кобура с пистолетом стучит по бедру при каждом шаге. Заветный ТТ, личное оружие офицера.

А трубы поют. И в тактах вальса слышится: «Ускоренный выпуск». Они танцевали прямо на плацу. И девушки были нарядными, многие из них на время сменили выцветшую военную форму.

Ускоренный выпуск, после него не положен месячный отпуск, а дается тебе всего три дня на сборы, прощания, на всякие тары-бары.

Младшему лейтенанту Сергееву и прощаться-то было не с кем. Только с друзьями, да и то ненадолго, потому что назначения получили они на западную границу.

Все. До одного. Весь ускоренный выпуск.

* * *

Вместе с рассветом в город пришла канонада. Звук орудий был настолько явственно слышен, что казалось, стреляют совсем рядом. Орудийный грохот приближался с каждым часом. В некоторых домах начали вылетать стекла.

Улицы были пусты. Жители попрятались. На улицах валялись рваные ремни, дырявые подсумки.

Осенний ветер тащил по камням мостовых рваную бумагу, со звоном раскатывал консервную банку. У здания с вывеской, где готическими буквами было выведено «комендатура», стояло несколько грузовиков. Солдаты спешно выносили ящики, бросали их в кузов.

В кабинете коменданта жгли бумаги. Пепел черными хлопьями летал по комнате. Огромный камин был забит пеплом, но бумаги все бросали и бросали. Корчились в огне бланки с черным орлом. Комендант в расстегнутом кителе с майорскими погонами шуровал кочергой в камине. Китиль его был весь обсыпан пеплом.

– Эй, кто-нибудь! – крикнул он.

В кабинет вбежал обер-лейтенант.

– Господин майор...

Он не закончил фразы: оттерев его плечом, в кабинет вошел высокий человек в штатском.

– Можете идти, обер-лейтенант, – приказал он. – Закройте дверь и сделайте так, чтобы нам не мешали.

– Но... – Обер-лейтенант посмотрел на майора.

Комендант бросил кочергу, застегнул китель.

– Идите, Генрих, и закройте дверь.

Посетитель снял плащ, небрежно бросил его на спинку кресла. Майор внимательно разглядывал элегантный штатский костюм вошедшего.

– Ну? – спросил он.

– Служба безопасности, майор. – Посетитель улыбнулся. – Всего-навсего служба безопасности. Оберштурмбаннфюрер Колецки.

Майор продолжал молча глядеть на него. Человек в штатском вынул из кармана удостоверение. Майор взял черную книжку, прочел.

– Слушаю вас, оберштурмбаннфюрер.

– У вас, как в крематории, пепел.

– Крематории больше по вашей части.

Колецки расхохотался.

– А вы не очень-то гостеприимный хозяин, майор.

– Я не люблю гостей из вашего ведомства. После них одна головная боль.

– Ну зачем так прямо! Вам звонили?

– Да.

– Где наши люди?

– В городе.

– Они надежно укрыты?

– А что надежно в наше время?

– Ваша правда, майор, ваша правда, но зачем же столько скептицизма? Надеюсь, что вы сожгли все, что надо, и не откажетесь проводить меня. Кстати, кто еще знает об агентах?

- Я, начальник охраны фельдфебель Кестер и четверо рядовых.
- Прекрасно. – Колецки подошел к окну. – Прекрасно. Вы точно выполнили инструкцию. Он достал портсигар, предложил майору, щелкнул зажигалкой.
- Когда вы хотите ехать? – Майор с удовольствием затаился.
- Мы с вами поедem немедленно.
- Но я должен эвакуироваться вместе с комендатурой.
- Эту акцию проведет ваш заместитель.
- Но...
- Ах, майор, я бы никогда не стал настаивать ни на чем противозаконном. Колецки достал из кармана пакет. Майор прочел бумагу, пожал плечами.
- Другое дело. Приказ есть приказ.

* * *

На улице их ждал большой, покрытый маскировочной сеткой «опель-капитан». За рулем сидел солдат в полевой форме с буквами СС в петлицах. Он выскочил из машины и распахнул дверцу. Когда «опель» двинулся, из-за угла вслед за ним выехал грузовик и пристроился сзади.

Машины подрулили к зданию бывшей ссудной кассы, стоявшему в глубине березового парка. Из дверей, поправляя ремень, выбежал фельдфебель.

- Все в порядке, Кестер, – сказал майор, – снимайте караул.
- Распорядитесь, – приказал Колецки, – чтобы солдаты помогли разгрузить машину!

* * *

В комнате, куда сразу прошел Колецки, находилось пятнадцать человек.

Лейтенант и четырнадцать солдат.

– Приветствую вас, Польш. Не будем терять ни минуты. Немедленно переодеться в польскую форму, взять рацию и документы.

Увидев поляков, комендант схватился за кобуру.

– Вы слишком нервный, майор, – усмехнулся Колецки, – зовите ваших людей и построите в коридоре.

– Кестер!

Стуча сапогами, прибежал фельдфебель.

– Вам надо будет помочь кое-что погрузить, положите пока оружие, – сказал Колецки.

Солдаты построились в коридоре.

– Пойдемте со мной и вы, майор. Сюда, в эту комнату.

Последнее, что увидел майор, – польского офицера и сноп огня, огромный и желтый, выбивающийся из автоматного ствола. В коридоре люди в польской форме расстреливали немцев.

– Скорее в лес, – крикнул Польш.

...Колецки остановил машину на городской площади, улицы были пусты, только у костела покосился подбитый вездеход. Он закурил. Прислушался к канонаде, достал пистолет, обошел машину и выстрелил шоферу в голову.

Открыл дверцу, и труп вывалился на мостовую. Колецки сел за руль и развернул машину.

* * *

Старшина Гусев прощался с заставой. Везде, начиная от свежавыкрашенного зеленой краской дома и кончая посыпанными речным песком дорожками, чувствовалась заботливая рука старшины. Он огляделся. Сопки, поросшие дальневосточной елью, кедрачи у ворот. Медленно шел по двору, привычно фиксируя наметанным глазом мелкие недостатки и упущения.

– Дежурный! – крикнул Гусев.

К нему подбежал сержант с красной повязкой на руке.

– Слушаю вас, товарищ старшина.

– Почему пустые бочки от солянки не убраны?

– Не успели.

– Надо успевать, служба короткая, а дел много.

– Слушаю. – Дежурный повернулся и пошел выполнять приказание, думая о том, что старшина остается старшиной даже в день отъезда с заставы.

Гусев отправился на конюшню. Высокий, туго затянутый ремнем, не старшина, а картинка из строевого устава.

В тридцать шестом на плацу вручили ему петлицы с одним треугольником, так стал он отделенным командиром. А через год, в тридцать седьмом, за лучшие показатели в службе и учебе прибавил Гусев на зеленые петлицы еще один треугольник. Потом стал старшим сержантом. А на сверхсрочную остался уже старшиной. Десять лет накрепко связали его с заставой. Здесь был его дом, все личные и служебные устремления. Началась война, и граница, и до этих дней беспокойная, полыхнула прорывами банд, диверсантов-одиночек, контрабандистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.